

Михаил Юрьевич Лермонтов

Письма к Лермонтову

Содержание

ПИСЬМА К ЛЕРМОНТОВУ	0004
#1	0004
От А. М. Верещагиной, отрывок	0013
От Винсона, отрывок	0014
От А. А. Лопухина, отрывки	0015
От А. А. Лопухина, отрывки	0016
От А. А. Лопухина, отрывки	0017
От А. М. Верещагиной, отрывок	0017
От А. М. Верещагиной	0018
От Е. А. Арсеньевой	0025
От В. Ф. Одоевского, записка	0030
ПИСЬМА К ЛЕРМОНТОВУ, УПОМЯНУТЫЕ В "ДЕЛЕ О НЕПОЗВОЛИТЕЛЬНЫХ СТИХАХ"	0031
Опись письмам и бумагам л. — гв. гусарского полка корнета Лермантова	0031
Опись перенумерованным бумагам корнета Лермантова	0034

ПИСЬМА К ЛЕРМОНТОВУ

ПИСЬМА К ЛЕРМОНТОВУ

От М. А. Лопухиной

Le 12 Octobre, Moscou <1832 г.>

Votre lettre, datée de trois de ce mois, vient de me parvenir, je ne savais pas, que ce jour-là fut celui de votre naissance, je vous en félicite, mon cher, quoique un peu tard. Je ne saurai vous exprimer le chagrin que m'a causé la mauvaise nouvelle que vous me donnez. Comment, après tant de peines et de travail se voir entièrement frustré de l'espérance d'en recueillir les fruits, et se voir obligé de recommencer tout un nouveau genre de vie? ceci est véritablement désagréable. Je ne sais, mais je crois toujours que vous avez agi avec trop de précipitation, et si je ne me trompe ce parti a dû vous être suggéré par M-Alexis Stolipine, n'est ce pas?

Je conçois aisément, combien vous devez être dérouté par ce changement, car vous n'avez jamais été habitué au service militaire; mais à présent, comme toujours, l'homme propose et Dieu dispose, et soyez fortement persuadé que ce qu'il propose, dans sa sagesse infinie, est certainement pour notre bien. Dans la carrière

militaire vous avez tout aussi bien les moyens de vous distinguer; avec de l'esprit et de la capacité on sait se rendre heureux partout; d'ailleurs combien de fois ne m'avez-vous pas dit, que si la guerre s'allumait, vous ne voudriez pas rester oisif, eh bien! vous voilà pour ainsi dire jeté par le sort dans le chemin qui vous offre les moyens de vous distinguer et de devenir un jour un guerrier célèbre. Ceci ne peut pas empêcher que vous vous occupiez de poésie; pourquoi donc? l'un n'empêche pas l'autre, au contraire, vous ne ferez qu'un plus aimable militaire.

Voici, mon cher, maintenant le moment le plus critique pour vous, pour Dieu, rappelez-vous autant que possible la promesse que vous m'avez faite avant de partir. Prenez garde de vous lier trop tôt avec vos camarades, connaissez les bien avant de le faire. Vous êtes d'un bon caractère, et avec votre cœur aimant vous serez pris tout d'abord; surtout évitez cette jeunesse qui se fait merveilles de toutes sortes de bravades, et une espèce de mérite de sottes fanfaronnades. Un homme d'esprit doit être au-dessus de toutes ces petites choses; ce n'est pas là du mérite, tout au contraire, ce n'est bon que pour les petits esprits;

laissez leur cela, et suivez votre chemin.

Pardon, mon cher ami, si je m'avise de vous donner de ces conseils; mais ils me sont dictés par l'amitié la plus pure, et l'attachement que je vous porte fait, que je vous désire tout le bien possible; j'espère que vous ne vous fâcherez pas contre dame-prêche-morale, et que tout au contraire vous lui en saurez gré, je vous connais trop pour en douter.

Vous ferez bien de m'envoyer comme vous le dites, tout ce que vous avez écrit jusqu'à présent; vous êtes bien sûr que je garderai fidèlement ce dépôt, que vous serez enchanté de retrouver un jour. Si vous continuez d'écrire, ne le faites jamais à l'école, et n'en faites rien voir à vos compagnons, car quelque fois la chose la plus innocente occasionne notre perte. Je ne comprends pas, pourquoi vous recevez si rarement de mes lettres? Je vous assure que je ne fais pas la paresseuse, et que je vous écris souvent et longuement. Votre service ne m'empêchera pas de vous écrire comme à l'ordinaire, et j'adresserai toujours mes lettres à leur ancienne adresse; dites-moi, ne faudrait-il pas que je les mette au nom de grand'maman.

J'espère, que parce que vous serez à l'école, ce ne sera pas un empêchement pour que vous m'écriviez de votre côté; si vous n'aurez pas le temps de le faire chaque semaine, eh bien! dans deux semaines une fois; mais je vous en prie, n'allez pas me priver de cette consolation.

Courage, mon cher, courage! ne vous laissez pas abattre par un mécompte, ne désespérez pas, croyez-moi que tout ira bien. Ce ne sont pas des phrases de consolation que je vous offre là, non, pas du tout; mais il y a un je ne sais quoi, qui me dit que tout ira bien. Il est vrai que maintenant nous ne nous verrons pas avant deux ans; j'en suis vraiment désolée pour moi, mais... pas pour vous, cela vous fera du bien, peut-être. Dans deux ans on a le temps de guérir et de devenir tout-à-fait raisonnable.

Croyez-moi, je n'ai pas perdu l'habitude de vous deviner, mais que voulez-vous que je vous dise? Elle se porte bien, paraît assez gaie, du reste sa vie est tellement uniforme, qu'on n'a pas beaucoup à dire sur son compte; c'est aujourd'hui comme hier. Je crois que vous n'êtes pas tout-à-fait fâché de savoir, qu'elle mène ce genre de vie, car elle est à l'abri de toute épreuve; mais pour

mon compte, je lui voudrais un peu de distraction, car, qu'est-ce que c'est que cette jeune personne dandinant d'une chambre à l'autre, à quoi une vie comme celle-là mènera-t-elle? à devenir un être nul, et voilà tout. Eh bien! Vous ai-je deviné? est-ce là le plaisir que vous attendiez de moi?

.....

.....

.....

Il ne me reste tout juste de place, que pour dire adieu à mon gentil hussard. Comme j'aurais voulu vous voir avec votre uniforme et vos moustaches. Adieu, mes sœurs et mon frère vous saluent. Mes respects à grand'maman.

Перевод

12 октября <1832> Москва

Ваше письмо, помеченное третьим этого месяца, только что до меня дошло. Я не знала, что это день вашего рождения. Я вас поздравляю, дорогой мой, хотя немного поздно. Я не могу вам выразить огорчение, которое причинила мне дурная новость, сообщенная вами. Как, после стольких усилий и трудов увидеть себя совершенно лишенным надежды

воспользоваться их плодами и быть вынужденным начать совершенно новый образ жизни? Это поистине неприятно. Я не знаю, но думаю всё же, что вы действовали с излишней стремительностью, и, если я не ошибаюсь, это решение должно было быть вам внушено Алексеем Столыпным, не правда ли?

Я вполне понимаю, насколько вы должны чувствовать себя выбитым из колеи этой переменной, так как вы никогда не были приучены к военной службе, но и теперь, как всегда, человек предполагает, а бог располагает, и будьте совершенно уверены в том, что всё, что он предполагает в своей бесконечной премудрости, служит несомненно для нашего блага. На военной службе вы так же будете иметь все возможности, чтобы отличиться; с умом и способностями возможно всюду стать счастливым. К тому же сколько раз вы говорили мне, что если бы вспыхнула война, вы бы не захотели оставаться безучастным. Ну вот, вы так сказать брошены судьбой на путь, который дает вам возможность отличиться и сделаться когда-нибудь знаменитым воином.

Это не может помешать вам заниматься поэзией; почему же? одно другому не мешает, напротив, вы только станете еще более любезным военным.

Ну вот, мой дорогой, теперь для вас приходит самый критический момент, ради бога, помните, насколько возможно, обещание, данное мне вами перед отъездом. Остерегайтесь слишком быстрого сближения с вашими товарищами, сначала узнайте их хорошо. У вас добрый характер, и с вашим любящим сердцем вы можете быть быстро покоренным; особенно избегайте ту молодежь, которая бравирует всякими выходками и ставит себе в заслугу глупое фанфаронство. Умный человек должен быть выше всех этих мелочей; это не заслуга, а наоборот, это хорошо только для мелких умов, предоставьте им это и следуйте своим путем.

Простите, мой дорогой друг, что я решаюсь давать вам эти советы; но они мне продиктованы самой чистой дружбой, а привязанность, которую я к вам питаю, заставляет меня желать вам всего лучшего; я надеюсь, что вы не рассердитесь на проповедницу морали,

а наоборот, будете за это благодарны, я вас слишком хорошо знаю, чтобы в этом сомневаться.

Вы хорошо сделаете, если пришлете, как вы говорите, всё, что вы до сих пор написали; вы можете быть уверены, что я честно сохраню присланное; и вы же будете в восторге, найдя это когда-нибудь. Если вы будете продолжать писать, не делайте этого никогда в школе и не показывайте ничего вашим товарищам, потому что иногда самая невинная вещь доставляет нам гибель. Я не понимаю, почему вы так редко получаете мои письма? Я вас уверяю, что я не ленюсь и пишу вам часто и пространно. Ваша служба не мешает мне вам писать обыкновенно, и я всегда буду посылать мои письма по старому адресу; скажите мне, не лучше ли их отправлять на имя бабушки?

Я надеюсь, что ваше пребывание в школе не будет для вас препятствием писать мне; если у вас не будет времени делать это каждую неделю, ну тогда хотя бы раз в две недели; но прошу вас, не лишайте меня этого утешения.

Мужайтесь, мой дорогой, мужайтесь! не

позволяйте разочарованию сломить вас, не отчаивайтесь, верьте мне, что всё будет хорошо, это не фразы утешения я вам предлагаю, вовсе нет; я сама не знаю, но что-то мне говорит, что всё будет хорошо. Правда, что теперь мы не увидимся раньше, чем через два года; это действительно горе для меня, но... не для вас, для вас это может быть лучше. В два года можно выздороветь и стать совершенно благоразумным.

Поверьте мне, что я не потеряла способности угадывать ваши мысли, но что вы хотите, чтоб я вам сказала? Она здорова, по-видимому, довольно весела, вообще ее жизнь такая однообразная, что даже нечего о ней сказать, сегодня как вчера. Я думаю, что вы не очень огорчитесь, узнав, что она ведет такой образ жизни, потому что он охраняет ее от всяких испытаний; но с своей стороны я бы желала для нее немного разнообразия, потому что, что это за жизнь для молодой особы, слоняющейся из одной комнаты в другую, к чему приведет ее такая жизнь? — сделается ничтожным созданием, вот и всё. Ну что же? Угадала ли я вас? То ли это удовольствие, ко-

того вы от меня ожидали?

.....

.....

.....

Мне остается ровно столько места, чтоб попрощаться с моим милым гусаром. Как бы я хотела видеть вас в вашей форме и с усами. Прощайте, мои сестры и брат вам кланяются. Мое почтение бабушке.

От А. М. Верещагиной, отрывок

13 octobre <1832 г.>
Annette Stolipine écrit à Pachinka que vous avez un désagrément à l'Université, et que ma tante en est malade, de grâce écrivez-moi ce que c'est? У нас всё делают из мухи слона, tranquillisez-moi de grâce, — pour mon malheur je vous connais trop pour pouvoir être tranquille, je sais que vous êtes capable de vous couper la gorge avec le premier venu, et pour la première sottise — fi! C'est une honte! vous ne serez jamais heureux avec ce vilain caractère.

Перевод

13 октября <1832>

Аннет Столыпина пишет Пашеньке, что у

вас неприятность в университете и что моя тетья от этого больна, умоляю, напишите мне в чем дело? У нас все делают из мухи слона, успокойте меня, умоляю — к несчастью я вас знаю слишком хорошо, чтобы быть спокойной, я знаю, что вы способны резаться с первым встречным из-за первой глупости — фи! это стыд; вы никогда не будете счастливы с таким отвратительным характером.

От Винсона, отрывок

Любимовка, 1832 г.

Est-ce que vous négliger M^{onsieur} Degai?

Перевод

Разве вы пренебрегаете г^{осподином} Дегай?

От А. А. Лопухина, отрывки

<Ноябрь 1832 г.>
Здравия желаю! Любезному гусару! — Право, мой друг Мишель, я тебя удивлю, сказав, что не так еще огорчен твоим переходом, потому что с живым характером твоим ты бы соскучился в статской службе.... На счет твоего таланта, ты понапрасну так беспокоишься, — потому кто любит что, всегда найдет время побеседовать с тем.... Прощай, мой милый друг, люби меня попрежнему и продолжай писать; боюсь, что ты меня очень утешаешь...

От А. А. Лопухина, отрывки

7 января 1833 г.

У тебя нога болит, любезный Мишель!... Что за судьба! Надо было слышать, как тебя бранили и даже бранят за переход в военную службу. Я уверял их хотя и трудно, чтоб поняли справедливость безрассудные люди, что ты не желал огорчить свою бабушку, но что этот переход необходим. Нет, сударь, решил какой-то Кикин, что ты всех обманул, и что это твое единственное было желание, и даже просил тетеньку, чтоб она тебе написала его мнение. А уж почтенные-то расходились и вопят, вот хорош конец сделал и никого-то он не любит, бедная Елизавета Алек<сеевна> — всё твердят. — Знаю наперед, что ты рассмеешься; а не примешь к сердцу.

От А. А. Лопухина, отрывки

25 февраля 1833 г.
Напиши мне, что ты в школе остаешься или нет, и позволит ли тебе нога продолжать службу военную. Очень и очень тебе благодарен за твою голову, она меня очень восхищает и между тем иногда грусть наводит, когда я в ипохондрии.

От А. М. Верещагиной, отрывок

1833 г.
Si non, vous pouvez composer une dans le génie de vos improvisations кто смотрит так гордо en récitatif — et Arsenief en allegro.

Перевод

Если нет, то вы можете сочинить ее в духе ваших импровизаций «Кто смотрит так гордо» — речитативом и Арсеньев — в темпе аллегро.

От А. М. Верещагиной

Fedorov, 18 août <1835 г.>

Mon cher cousin.

C'est après avoir lu pour la troisième fois votre lettre, et après m'être bien assurée, que je ne suis pas sous l'influence d'un rêve, que je prends la plume pour vous écrire. Ce n'est pas que j'aie peine à vous croire capable d'une grande et belle action, mais écrire trois fois, sans avoir au moins trois réponses — savez-vous, que c'est un prodige de générosité, un trait, sublime, un trait à faire pâlir d'émotion? — Mon cher Michel, je ne suis plus inquiète de votre avenir — un jour vous serez un grand homme.

Je voulais m'armer de toutes mes forces, désir et volonté, pour me fâcher sérieusement contre vous. Je ne voulais plus vous écrire, et vous prouver par là, que mes lettres peuvent se passer de *cadre* et de *verre*, pourvu qu'on trouve du plaisir à les recevoir. — Mais trêve là-dessus; vous êtes repentant — je jette bas mes armes et consens à tout oublier.

Vous êtes officier, recevez mes compliments. C'est une joie pour moi d'autant plus grande,

qu'elle était inattendue. Car (je vous le dis à vous seul) je m'attendais plus tôt à vous savoir soldat. Vous conviendrez vous-même que j'avais raison de craindre et si même vous êtes deux fois plus raisonnable que vous ne l'étiez avant, vous n'êtes pas encore sorti du rang des polissons... Mais c'est toujours un pas, et vous ne marcherez pas à reculons, je l'espère.

Je m'imagine la joie de grand'maman; je n'ai pas besoin de vous dire que je la partage de tout mon cœur. Je ne compare pas mon amitié à un *puits sans fond*, vous ne m'en croirez que mieux. Je ne suis pas *forte* en comparaisons, et n'aime pas à tourner les choses sacrées en ridicule, je laisse cela à d'autres.

Quand viendrez-vous à Moscou?

.....

.....

Quant au nombre de mes adorateurs, je vous le laisse à deviner, et comme vos suppositions sont toujours impertinentes, je vous entends dire, que je n'en ai pas du tout.

.....

A propos de votre idéal. Vous ne me dites rien de vos compositions. J'espère que vous écrivez

toujours, je pense que vous écrivez bien; avant vous m'en faisiez part sans doute vous avez des amis qui les lisent et qui savent en juger mieux, mais je vous garantis d'en trouver qui les liront avec plus de plaisir. Je m'attends qu'après cette sérieuse exorde, vous me composerez un quatrain pour ma nouvelle année.

Pour votre dessin, on dit que vous faites des progrès étonnants, et je le crois bien. De grâce, Michel, n'abandonnez pas ce talent, le tableau que vous avez envoyé à Alexis est charmant. Et votre musique? Jouez-vous toujours l'ouverture de la Muette de Portici, chantez-vous le duo de Sémiramis de fameuse mémoire, le chantez-vous comme avant, à tue-tête, et à perdre la respiration.

.....

... Nous déménageons pour le 15 septembre, vous m'adresserez vos lettres dans la maison Guédéonoff, près du jardin du Kremlin. — De grâce écrivez-moi plus vite, maintenant vous avez plus de temps, si vous ne l'employez pas à vous regarder dans une glace; ne le faites pas, car votre uniforme d'officier finira par vous ennuyer, comme tout ce que vous voyez trop souvent, c'est

dans votre caractère.

.

Si je n'avais pas envie de dormir, je vous aurais parlé de tout cela — mais impossible. Mes respects, je vous prie, à grand' maman. Je vous embrasse de tout mon cœur.

Alexandrine W.

Перевод

Федорово, 18 августа

Мой дорогой кузен.

Только прочитав в третий раз ваше письмо и твердо убедясь в том, что я не нахожусь под влиянием какого-то сновидения, я берусь за перо и пишу вам. Не то, чтоб я не могла считать вас способным на великое и прекрасное деяние, но писать три раза, не получив по меньшей мере трех ответов, вы знаете, что это чудо великодушия, черта возвышенная, черта, которая заставит побледнеть от волнения. Мой дорогой Мишель, я больше не беспокоюсь о вашей будущности, когда-нибудь вы станете великим человеком.

Я хотела вооружиться всеми моими силами, чувствами и волей, чтобы серьезно рассердиться на вас. Я не хотела вам больше пи-

сать, чтоб доказать этим, что мои письма могут обойтись без рамки со стеклом, только бы находили удовольствие их получать. — Но довольно, вы раскаялись — я слагаю оружие и соглашаюсь всё забыть.

Вы офицер, примите мои поздравления. Это для меня большая радость, тем более, что она была неожиданна. Потому что (я это говорю вам одному) я скорее ожидала встретить вас солдатом. Вы сами согласитесь, что у меня были основания бояться, и даже если б вы были вдвое благоразумнее, чем прежде, вы всё же еще не вышли из разряда сорванцов. Но во всяком случае это уже шаг вперед, и я надеюсь, что вы больше не будете пятиться назад.

Я представляю себе радость бабушки; лишнее говорить, что я разделяю ее всем моим сердцем. Я не сравниваю мою дружбу с *бездонным колодецем*, вы этому не поверите. Я не сильна в сравнениях и не люблю обращать священные вещи в посмешище, — я представляю это другим!

Когда приедете вы в Москву?

.....

.....

Что касается количества моих поклонников, догадайтесь сами, и так как ваши предположения бывают всегда дерзкими, я слышу, как вы говорите, что у меня их вовсе нет.

.....

Кстати о вашем идеале. Вы мне ничего не говорите о ваших сочинениях. Я надеюсь, что вы пишете, и думаю, что вы пишете хорошо; прежде вы делились ими со мной. Конечно, у вас есть друзья, которые их читают и умеют лучше судить, но я вас уверяю, что находятся и такие, которые прочтут их с большим удовольствием. Я ожидаю, что после такого серьезного вступления вы напишете мне четверостишие к новому году.

Что касается вашего рисования, говорят, что вы делаете удивительные успехи, и я этому охотно верю; умоляю, Мишель, не забрасывайте этот дар, картина, которую вы прислали Алексею, очаровательна. А ваша музыка? Играете ли вы попрежнему увертюру «Немой из Портичи», поете ли вы дуэт из «Семирамиды», столь памятный, поете ли вы его как раньше во всё горло и до потери дыхания?.....

.....

Мы переезжаем к 15-му сентября, адресуйте ваши письма на дом Гедеонова, около Кремлевского сада. — Умоляю, пишите мне скорее, теперь у вас больше времени, если вы не расходуете его на то, чтобы глядеться в зеркало; не делайте этого, потому что кончится тем, что ваш офицерский мундир вам надоест, как всё то, что вы видите слишком часто, — это у вас в характере.

.....

Если б меня не клонило ко сну, я бы с вами обо всем этом поговорила — но невозможно. Передайте, пожалуйста, бабушке мое почтение.

Целую вас от всего сердца.

Александрина В<ерещагина>.

От Е. А. Арсеньевой

<Тарханы, 18 октября 1835 г.>
Милый любезный друг Мишынъка.
Конечно мне грустно, что долго тебя не увижу, но видя из письма твоего привязанность твою ко мне, я плакала от благодарности к богу, после двадцати пяти лет страдания любовью своею и хорошим поведением ты заживляешь раны моего сердца. Что делать, богу так угодно, но бог умиласердится надо мной и тебя отпустят, меня беспокоит, что ты без денег, я с десятого сентября всякой час тебя ждала, 12 октября получила письмо твое, что тебя не отпускают, целую неделю надо было почты ждать, посылаю теперь тебе, мой милый друг, тысячу четыреста рублей ассигнациями да писала к брату Афанасию, чтоб он тебе послал две тысячи рублей, надеюсь на милость божию, что нонешний год порядочный доход получим, но теперь еще никаких цен нет на хлеб, а задаром жалко продать хлеб, невестка Марья Александровна была у меня и сама предложила написать к Афанасью, и ты верно через неделю получишь от него две тыся-

чи, еще мы теперь не устроились. Я в Москве была нездорова, от того долго там и прожила, долго ехала, слаба еще была и домой приехала 25 июля, а в сентябре ждала тебя моего друга и до смерти мне грустно, что ты нуждаешься в деньгах, я к тебе буду посылать всякие три месяца по две тысячи по пятьсот рублей, а всякой месяц хуже слишком по малу, а может иной месяц мундир надо сшить, я долго к тебе не писала, мой друг, всякой час ждала тебя, но не беспокойся обо мне, я здорова; береги свое здоровье, мой милой, ты здоров, весел, хорошо себя ведешь, и я счастлива и истинно, мой друг, забываю все горести и со слезами благодарю бога, что он на старости послал в тебе мне утешения, лошадей тройку тебе купила и говорят, как птицы летят, они одной породы с буланой и цвет одинакой, только черный ремень на спине и черные гривы, забыла, как их называют, домашних лошадей шесть, выбирай любых, пара темно-гнедых, пара светло-гнедых и пара серых, но здесь никто не умеет выезжать лошадей, у Матюшки силы нет, Никанорка объезжает купленных лошадей, но я боюсь, что нехоро-

шо их приездит, лучше думаю тебе и Митьку кучера взять. Можно до Москвы в седейки его отправить дни за четыре до твоего отъезда, ежели ты своих вятских продашь, и сундучок с мундирами и с бельем с ним можно отправить, впрочем как ты сам лучше придумаешь, тебе уже 21 год, Катерина Аркадьевна переезжает в Москву, то в Средниково тебе не нужно заезжать, да ты после меня ни разу не писал к Афанасью Алексеичу, через письма родство и дружба сохраняется, он друг был твоей матери и любит тебя как родного племянника, да к Марьи Акимовне и к Павлу Петровичу хоть бы в моем письме приписал два слова. Стихи твои, мой друг, я читала бесподобные, а всего лучше меня утешило, что тут нет ныншней модной неистовой любви, и невестка сказывала, что Афанасью очень понравились стихи твои и очень их хвалил, да как ты не пишешь, какую ты пиесу сочинил, комедия или трагедия, всё, что до тебя касается, я равнодушна, уведошь, а коли можно, то и пришли через почту. Стихи твои я больше десяти раз читала, скажи Андрею, что он так давно к жене не писал, она с ума

сходит, всё плачет, думает, что он болен, в своем письме его письмо положи, achète quelque chose pour Daria, elle me sert avec beaucoup d'attachement,[1] очень благодарна Катерине Александровне, что она обо мне помнит, но мое присутствие здесь необходимо, Степан очень прилежно смотрит, но всё как я прикажу, то лучше, девки, молодая вдова, замуж не шли и беспутничали, я кого уговаривала, кого на работу посылала и от 16 больших девок 4 только осталось и вдова, все вышли, иную подкупила и всё пришло в прежний порядок. Как бог даст милость свою и тебя отпустят, то хотя Тарханы и Пензенской губернии, но на Пензу ехать слишком двести верст крюку, то из Москвы должно ехать на Рязань, на Козлов и на Тамбов, а из Тамбова на Кирсанов в Чембар, у Катерине Аркадьевне на дворе тебя дожидается долгуша точно коляска, перина и собачье одеяло, может еще зимнего пути не будет, здесь у нас о сию пору совершенная весна среди дня, ночью морозы только велики, я в твоём письме прикладывала письмо к Катерине Лукьяновне и к Емельяну Никитичу, уведошь, отдал ли

ты им их, да несколько раз к тебе писала, получил ли ты мех черной под сертук, Прасковья Александровна Крюкова взялась переслать его к Лонгиновой, и с Митькой послала тебе кисет и к Авдотье Емельяновне башмаки, напиши привез ли он это всё, да уведошь, часто ли ты бываешь у Лонгиновой, прощай, мой друг, Христос с тобою, будь над тобою милость божия, верный друг твой

Елизавета Арсеньева

1835 года

18 октября

Спроси у Емельяна Никитича ответ на мое письмо, не забудь, мой друг, купить мне металлических перьев, здесь никто не умеет очинить пера, всё мне кажется, мой друг, мало тебе денег, нашла еще сто рублей, то посылаю тебе тысячу пятьсот рублей.

От В. Ф. Одоевского, записка

<Не ранее 5 августа 1839 г.>

Ты узнаешь, кто привез тебе эти две вещи — одно прекрасное и редкое издание мое любимое — читай Его. О другом напиши, что почувствуешь прочитавши. Может быть сегодня еще раз заеду.

Одоевский.

Жена была со мною и кланяется тебе, жалея что не застали.

ПИСЬМА К ЛЕРМОНТОВУ, УПОМЯНУТЫЕ В "ДЕЛЕ О НЕПОЗВОЛИТЕЛЬНЫХ СТИХАХ"

Опись письмам и бумагам л. — гв.
гусарского полка корнета
Лермантова

<20 ф февраля 1837 г.>

Лит. А. Письма бабки Лермантова г-жи Арсеньевой, равно как матери его. В них всё дышит благоразумием и самую теплую родительскую привязанностию, — обе дамы непрестанно снабжают молодого человека сего полезными советами.

Лит. В. Письма родных и двоюродных сестер Лермантова равно как некоторых знакомых ему девиц. *Главный характер:* Они его считают поэтом и питают большую к нему привязанность. Бесперывные просьбы воздерживаться от шалостей, быть осторожным — доказывают, что ему не доверяли. Сти-

хотворную способность Лермантова выхваляют и просят его пересылать стихи свои в Москву. Из них особенно замечательны три письма:

№ 1. В письме сем от одной девицы из Москвы — ясно говорится, что переход Лермантова в военную службу есть следствие неприятности, которую он имел в университете, причем обвиняется некто Алексей Стальпин. —

№ 2. От девицы Верещагиной к Лермантову, — в нем упоминается о каком-то романе соч. последнего, но он кажется не состоялся, Лермантов по-видимому уничтожил его прежде окончания. —

№ 3. От девицы Верещагиной к Лермантову — она рассказывает о приготовлениях в Москве к приезду Государя Императора. — Остальные, кроме семейных обстоятельств, ничего в себе не заключают.

Лит. С. Письма, писанные Лермантову неким Лопухиным. *Главные черты:* Лопухин студент и находится с Лермантовым в дружеских отношениях.

Из них более других примечательны:

№ 1. В нем Лопухин говорит, что основываясь на живом характере Лермантова, он не очень огорчен переходом его в военную службу; — на счет же стихотворного таланта говорит Лопухин — «тебе нечего беспокоиться, потому что кто что любит, на то всегда найдет время», и в доказательство приводит Давыдова.

№ 2. Лопухин извещает Лермантова, что его бранят в Москве за переход в военную службу. В остальных соприкосновенного ничего не заключается.

Лит. D. Письмо известного Раевского к Лермантову, в котором первый поздравляет его с счастливым успехом написанной пиесы и приглашает его к Кирееву, который предполагал представить Лермантова к г. Гедеонову.

Лит. E. Письма г. Юрьева к Лермантову из Новгорода в существе незначительны, — в одном, под № 1, Юрьев говорит о таланте Лермантова и упоминает, что некоторые из его однополчан желают с Лермантовым познакомиться.

Наконец два донесения от управителя, ничтожные стихи за подписью Лыкошина и

письмо за подписью Евреинова. —

Опись перенумерованным бумагам корнета Лермантова

1 Письмо Андрея Муравьева, писанное в четверток, коим уведомляет, чтобы Лермантов был покоен на счет его стихов, присовокупляя, что он говорил об них Мордвинову, который нашел их прекрасными, прибавив только, чтобы их не публиковать, причем приглашает его к себе утром или вечером.

2 Письмо его же Муравьева, без числа, коим благодарит Лермантова за стихи, присовокупляя, что они до бесконечности нравились всем, кому он их показывал, приглашая его с тем вместе к себе.

3 План составленный Лермантовым для драмы заимствованный из семейного быта сельских дворян, — написана ли по сему плану драма, неизвестно.

4 Стихи карандашом написанные, с изображением пред друзьями сердца человека, бывшего влюбленным и потом охладевшего.

5 Книга на французском языке о лечебной силе паров, напечатанная в 1836 году в типо-

графии Плюшара.

6 Письмо поручика Л. — гв. московского полка Унковского, с приглашением бывать у него вместе с Раевским и с прочими его знакомыми в понедельник по вечерам.

7 Письмо родственника Пожогина, о присылке 25 рублей денег.

8 Письмо Энгельгардта, с посылкою билета в Благородное Собрание и с приглашением к себе.

9 Отрывок письма сестры о семейных делах.

10 Письмо Аркадия Сталыпина, о семейных же делах.

11 Письмо бабки Лермантова, Арсеньевой, о прибытии ее в Москву.

12 Письмо ее же, о семейных делах.

13 Письмо ее же, с приложением записки от г-жи Симанской, о семейных делах.

14 Письмо ее же, о семейных же делах.

15 Письмо ее же, с уведомлением о хозяйстве.

16 Письмо ее же, с приложением 2 т. руб. и письма деда его Сталыпина с наставлением заниматься поэзией, и не мечтать, что всех

умнее.

17 Письмо родственника Пожогина, с уведомлением о переходе на службу из Финляндии в Россию.

18 Письмо приказчика Лермантова, о хозяйстве.

20 февраля 1837-го.

Примечания

1

купи что-нибудь Дарье, она служит мне с большой привязанностью (франц.).

[^^^]